

CONCOURS CENTRALE-SUPÉLEC

Russe

MP, PC, PSI, TSI

4 heures

Calculatrices interdites

2018

L'usage de tout système électronique ou informatique est interdit dans cette épreuve.

Rédiger en russe et en 450 mots une synthèse des documents proposés, qui devra obligatoirement comporter un titre. Indiquer avec précision, à la fin du travail, le nombre de mots utilisés (titre inclus), un écart de 10% en plus ou en moins sera accepté.

Ce sujet propose les 3 documents suivants :

- un article paru le 24 octobre 2016 dans *Meduza* ;
- un article de *Kommersant* du 26 octobre 2016 ;
- un extrait du journal *Literatura* du 14 avril 2013.

L'ordre dans lequel se présentent les documents est aléatoire.

meduza

«Мы клеветем, доносим. И опять хотим в клетку»

Речь Константина Райкина — о цензуре и борьбе государства за нравственность

24 октября 2016

Фото: Сергей Ермохин / ТАСС

24 октября руководитель театра «Сатирикон» Константин Райкин выступил на седьмом съезде Союза театральных деятелей России с большой речью против цензуры — и о борьбе государства «за нравственность в искусстве». Аудиозапись была опубликована в фейсбуке Ассоциации театральных критиков; «Медуза» публикует полную расшифровку речи Райкина.

Сейчас я буду говорить немножко взбалмошно, так сказать. Потому что я с репетиции, у меня еще вечерний спектакль, и я внутренне немножко сучу ножками — я привык заранее приходить в театр и готовиться к спектаклю, который сыграю. И еще как-то мне довольно сложно говорить спокойно на тему, на которую я хочу [сейчас говорить]. Во-первых, сегодня 24 октября — и 105 лет со дня рождения Аркадия Райкина, я вас всех

поздравляю с этим событием, с этой датой. И, вы знаете, я вам так скажу. Папа, когда понял, что я стану артистом, учил меня одной вещи; он как-то в мое сознание вложил одну такую вещь, он называл это — цеховая солидарность. Это некая этика по отношению к занимающимся одним делом вместе с тобой. И, мне кажется, сейчас время про это вспомнить всем.

Потому что меня очень тревожат — я думаю, как и вас всех — те явления, которые происходят в нашей жизни. Эти, так сказать, наезды на искусство, на театр, в частности. Эти совершенно незаконные, экстремистские, наглые, агрессивные, прикрывающиеся словами о нравственности, о морали, и вообще всяческими, так сказать, благими и высокими словами: «патриотизм», «Родина» и «высокая нравственность». Вот эти группки оскорбленных якобы людей, которые закрывают спектакли, закрывают выставки, нагло очень себя ведут, к которым как-то очень странно власть нейтральна — дистанцируется. Мне кажется, что это безобразные посягательства на свободу творчества, на запрет цензуры. А запрет цензуры — я не знаю, как кто к этому относится, а я считаю, что это величайшее событие векового значения в нашей жизни, в художественной, духовной жизни нашей страны... Это проклятие и многовековой позор вообще отечественной нашей культуры, нашего искусства — наконец, был запрещен.

И что сейчас происходит? Я сейчас вижу, как на это явно чешутся руки кого-то — это изменить и вернуть обратно. Причем вернуть обратно не просто во времена застоя, а еще в более давние времена — в сталинские времена. Потому что с нами разговаривают наши начальники непосредственные таким лексиконом сталинским, такими

сталинскими установками, что просто ушам своим не веришь! Это говорят представители власти, мои непосредственные начальники, господин [первый заместитель министра культуры Владимир] Аристархов так разговаривает. Хотя его вообще надо переводить с аристарховского на русский, потому что он говорит языком, которым просто стыдно, что от имени министерства культуры так человек разговаривает.

[...] Цеховая солидарность, как меня папа учил, обязует каждого из нас, работника театра — артиста, режиссера ли, — не говорить в средствах массовой информации плохо друг о друге. И в инстанциях, от которых мы зависим. Ты можешь сколько угодно быть не согласным творчески с каким-то режиссером, артистом — напиши ему смску злобную, напиши ему письмо, подожди его у подъезда, скажи ему. Но не надо в это вмешивать средства массовой информации, и делать это достоянием всех. Потому что наши распри, которые обязательно будут, будут, творческое несогласие, возмущение — это нормально. Но когда мы заполняем этим газеты и журналы, и телевидение — это на руку только нашим врагам. То есть тем, кто хочет прогнуть искусство под интересы власти. Маленькие конкретные идеологические интересы. Мы, слава богу, от этого освободились.

Я помню: мы все родом из советской власти. Я помню этот позорный идиотизм! Это причина, единственная, по которой я не хочу быть молодым, не хочу вернуться туда опять, эту мерзкую книжку читать. А меня заставляют читать эту книжку опять. Потому что словами о нравственности, Родине и народе, и патриотизме прикрываются, как правило, очень низкие цели. Не верю я этим группам возмущенных и обиженных людей, у которых, видите ли, религиозные чувства оскорблены. Не верю! Верю, что они проплачены. Вообще не надо общественным организациям бороться за нравственность в искусстве. Искусство имеет достаточно фильтров из режиссеров, художественных руководителей, критиков, души самого художника. Это носители нравственности. Не надо делать вид, что власть — это единственный носитель нравственности и морали. Это не так.

Звягинцев поддержал позицию Райкина относительно цензуры в искусстве

27 октября 2016

Режиссер Андрей Звягинцев поддержал руководителя московского театра «Сатирикон» Константина Райкина, выступившего против цензуры в искусстве. Свою позицию деятель изложил в газете «Коммерсантъ» 26 октября.

Звягинцев напомнил, что деньги, которые власти выделяют на создание произведений искусства, принадлежат не чиновникам, а налогоплательщикам. «Они забыли, с какой-то удивительной легкостью изъяли из своего сознания простую и очевидную мысль, что это не их деньги, а наши. Общие. Деньги, на которые они "заказывают" свои агитки, взяты у народа», — пишет режиссер.

«Эти люди решили, что именно они знают, что нужно народу, и на его деньги заказывают свои жалкие поделки», — написал Звягинцев, рассуждая о способности властей оценивать художественную ценность произведения. «Кто же наградил их безупречной квалификацией сразу во всех видах человеческой деятельности? Когда, наконец, чиновники поймут, что их дело — организовывать и поддерживать труд людей, а не раздавать им свои "заказы"?» — отмечает он.

При этом режиссер подчеркнул, что без поддержки государства искусство обойтись не может. «Вы сможете назвать хоть один оперный театр или хотя бы с десяток кинокартин, созданных без участия государства? Ситуация в нашей экономике и культуре сейчас такова, что их нет», — сказал Звягинцев, при этом выразив мнение, что власти не должны пользоваться ситуацией и ангажировать культурную жизнь России.

24 октября на VII съезде Союза театральных деятелей России Райкин выразил обеспокоенность учащающимися попытками различных общественных организаций оказывать давление на искусство и театр в частности. На следующий день, 25 октября, официальный представитель Кремля Дмитрий Песков прокомментировал это заявление. По его словам, когда власти дают деньги на постановку, то они «вправе обозначить ту или иную тему». 26 октября замминистра культуры России Александра Журавского упрекнул Райкина в низкой заполняемости залов «Сатирикона».

Андрей Звягинцев — российский кинорежиссер, лауреат Венецианского и Каннского кинофестивалей. Автор таких фильмов, как «Елена», «Возвращение» и «Левиафан».

Нужна ли цензура в искусстве?

14 апреля 2013 · Литературный раздел

Ваше отношение к табуированным темам и нецензурным выражениям в книгах? Нужна ли цензура в искусстве, если да, то какая: эстетическая или идеологическая?

Михаил Гиголашвили

По моему мнению, табуированных тем нет – все они давно растабуированы. Даже более того – чем табуированнее область – тем о ней интересней читать (вот как с «Чёртовым колесом» — ведь этот роман год ходил по издателям, собирая отказы, которые как раз и основывались на том, что наркотики – это табу).

Что касается нецензурных выражений, то было бы странным, если, например, сантехник начал бы говорить языком доктора философии. Ведь в реалистическом произведении речь – это один из главнейших способов и методов обрисовки героя — его сознания, уровня мышления, внутреннего мира и т.д. Надо ещё учесть, что в России, в силу разных и многих причин (в том числе и той, что, по крылатому выражению, «в России каждый мужик или сидел, или сидит, или будет сидеть») эта лексика занимает особое место, куда большее, чем в речи, например, тех же немцев, недаром кто-то из сатириков заметил, что «мы матом не ругаемся, мы на нём разговариваем».

В то же время зачастую мат является просто словами-связками, словами-паразитами, не несущими никакой смысловой нагрузки, и если всё это нудно и тупо переносить на бумагу – то теряется экспрессия и соль. Поэтому эту лексику (я бы её назвал «экспрессивно окрашенной») надо давать умело, дозированно и обдуманно, но без неё вряд ли можно обойтись.

Цензура не нужна. Да и кто будет осуществлять эстетическую цензуру – «а судьбы кто»?... Конечно, если бы меня эстетически цензурировал Гончаров или Тургенев, я бы не отказался, но, увы...

Что же касается идеологической цензуры, то все правители во все времена, в той или иной степени, пытались и пытаются осуществить идеологическую цензуру. Раньше это было делать легко – разбил глиняные таблички, порвал пергаменты, сжег книги вместе с автором, чтоб другим неповадно было – и всё. А теперь, в век Интернета, любая цензура невозможна (хотя вот в Китае, говорят, отключают Интернет на каких-то сайтах, вот только если так).

Если же Вы имеете в виду все эти последние законы, в обилии принимаемые Думой, то это забудется через месяц, как и всё остальное, и законы эти останутся у чиновников в столах в виде запасной дубинки, чтобы, когда прикажут и на кого укажут, вытащить эту битую и съездить ею по непослушной голове.

Алексей Славовский

Табуированные темы и нецензурные выражения в жизни регламентируются состоянием социума и языка. Искусство есть часть жизни и отражение ее; почему правила в нем должны регламентировать какие-то органы? Я не ругаюсь при детях и женщинах, да и вообще не слишком часто употребляю мат, я понимаю, в каком окружении какие темы могу обсуждать, а какие придержать по себе (по разным причинам: кого-то что-то заденет, оскорбит и т.п.). В своих текстах — по мере художественной необходимости. В искусстве нужна ТОЛЬКО самоцензура: каждый сам решает, что писать, если говорить о книгах, а читатели сами решают, что читать. Все судороги властных структур в этом направлении смехотворны, если не идиотичны. Законники наши, как всегда, наваливаются на последствия, игнорируя причины. Им надо воевать с беспредельной нецензурностью нашей жизни (экономики, политики и т.п.), а не с тем, какие — часто справедливо матерные — оценки она вызывает у людей. Но в первом случае придется бороться тогда и с собой, а во втором — с другими. Второе легче и приятнее: заодно чувствуешь за спиной белые перышки.

Елизавета Александрова-Зорина

Цензура есть всегда: будь то цензура партии или цензура рынка. В России, похоже, существует ещё и цензура недоучек и похабников, не пропускающая ничего «разумного, доброго, вечного».

Сегодня модно ругать кондовую советскую цензуру, которая, между тем, была не только политической, но и художественной и не пропускала откровенно слабые, недостойные произведения. Вспомните, как быстро остыл интерес к западным фильмам, хлынувшим уже в восьмидесятые: увы, к многомиллионному разочарованию, тоталитарные цензоры по большей части «зарезали» не политически ненадёжные шедевры, а низкопробные киноподелки. Кстати, попробуйте посмотреть два варианта фильмов «О, счастливчик!» и «Трюкач», в урезанном советском варианте и в оригинале, и с удивлением обнаружите, что у советских цензоров, кроме страсти к вырезанию откровенных сцен, был ещё отменный вкус и редакторский талант. Мечтаю ли я о возвращении жёсткой советской цензуры? Положа руку на сердце, нет. Но в жизни приходится выбирать не между хорошим и плохим, а из двух зол, и между советской цензурой и цензурой постсоветской, я бы выбрала первую. Потому что если в советское время у талантливого писателя был, пусть минимальный, шанс пробиться сквозь строй литературных номенклатурщиков, то сегодня нет и его: стена коммерческой литературы глуха и непреодолима.